

ВСЕГДА РАДУЙТЕСЬ

Непрестанно молитесь. За все благодарите: *ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе (1 Фес. 5, 16-18)*

ЛЮБИТЬ - НЕ ТОЛЬКО ЗА ТО, ЧТО ПОМОГАЮТ

Невозможно представить себе Православие без почитания святых; оно — неотъемлемая и органичная часть Священного Предания Церкви. И оно же проверяет, каковы мы в нашей вере. Как мы воспринимаем наших святых, кто они для нас? Чего мы от них ждем, чего просим? Как ориентируемся в их множестве, как выбираем — к кому именно из них спешить, кому молиться в той или иной нужде, чей образ поместить в домашний красный угол?

Чему мы учимся у святых... если вообще учимся? Почему, молясь одним святым, совершенно не интересуемся житиями других? Над этими вопросами размышляют наши авторы в серии статей, посвященных святым почитаемым, забытым и неизвестным.

Ради честнейшая Матери Твоя, и безплотных Твоих Ангел, Пророка же и Предтечи, и Крестителя Твоего, богоглаголивых же апостол, светлых и добропобедных мученик, преподобных и богоносных отец, и всех святых молитвами...»

Когда мы читаем эту вечернюю молитву святителя Иоанна Златоуста, пред нашими глазами разворачивается история Церкви — история святости. Следом за апостольской эпохой наступает эпоха мученичества, а за нею — эпоха великих учителей, святых отцов Церкви, ее духовных столпов. А дальше речь обо всех, то есть о разных святых, просиявших в последующие века. О святителях, то есть епископах; о Христа ради юродивых; о благоверных князьях; о горевших верой девах; о преисполненных любви к людям старцах-духовниках; о бесстрашных миссионерах; о праведных крестьянах и воинах; о самоотверженных священниках... И о новых мучениках, наконец.

Дивен Бог во святых Своих (Пс. 67, 36). Почитание святых — неотъемлемая часть православного Священного Предания. Что есть святость? Безупречность, безгрешность, идеальная праведность, абсолютная чистота? Нет; безгрешен один Бог, а святость — это решимость человека следовать Христу, всецело предать себя в Его руки; святость — это исполненность благодати Божией и явное действие ее в человеке.

Сколько святых у Православной Церкви? Тысячи и тысячи. Вряд ли возможно пересчитать их с точностью, тем более что сонм этот постоянно прирастает новыми прославляемыми именами. И мы не знаем, сколько святых

еще не прославлено.

Помнить и знать всех прославленных, причисленных к лику святых — тоже невозможно; не в силах человеческая память столько вместить. И не о том сейчас речь, больше или меньше святых может с ходу назвать каждый из нас, больше или меньше житий или иных жизнеописаний нами прочитано. Речь о том, что почитание, особенно массовое, так скажем, народное почитание святых носит избирательный характер, и не всегда эта избирательность понятна, не всегда она оправдана. Нередко бывает так, что, «вцепившись» в одного или двух святых, мы о других и знать-то ничего не хотим. Зачем нам другие? Никола Угодник поможет!

Более того, мы и о «Николе Угоднике», точнее, о святителе Николае, архиепископе Мир Ликийских, зачастую ничего не хотим знать, кроме того, что он помогает в разных трудных ситуациях. Многие

из тех, кто ставит ему свечи и заказывает молебны, не могут ответить на вопрос, где и когда он жил, что делал, чем стал известен. Зачем?.. Главное — чтоб помог. Вот и превращается великий святитель в некий русский круглогодичный аналог западного Санта-Клауса.

А ведь во святых, вот именно, Бог дивен, Бог виден, и, всматриваясь в духовный облик святого, мы видим действие благодати Божией в человеке — обычном человеке, изначально таком же, как мы. Каждый святой — это своего рода урок для нас, пример, духовный маяк, к которому нужно стремиться. А мы, выборочно почитая «тех, кто хорошо помогает», да и о них-то не желая много знать, превращаем святость, по сути, в палочку-выручалочку.

Это ведь замечательно, что святые — разные. Мы ведь разные люди, и нам разные уроки требуются в тот или иной момент нашей жизни. Когда-то нам необходимо всмотреться в пугающий, даже шокирующий облик юродивого, чтобы понять, ради чего он отказался от нормального человеческого облика и образа жизни. Когда-то — ощутить неподвластную времени, неостывающую любовь Оптинского старца. А когда-то — задуматься над судьбой новомученика, исповедника безбожных лет...

Святые входят в нашу жизнь подчас самыми неожиданными путями. Не раз приходилось слышать рассказы о том, как в дом совершенно случайно попадала икона святого, до той поры никому в семье не известного; но люди начинали молиться ему, и вдруг совершалось чудо, приходила долгожданная помощь, разрешалась тяжелая ситуация. И оставалось только заглянуть в церковный календарь, чтобы убедиться: да, именно в день памяти этого святого чудо и произошло...

Святой позаботился о людях, которые его не знали, он сам пошел им навстречу. Разве из этого не следует, что и мы должны спешить навстречу святым? Навстречу — значит на встречу, ради подлинной встречи со святостью. Встречи, которая не может не изменить нас, не

обогатить, не приблизить к Источнику благодати.

Ведь святой не для того только свят, чтобы подавать нам помощь в наших насущных нуждах и бедах. Искать у святых такой помощи — это так же правильно и естественно, как просить помощи у близких друзей. Но беда, если мы не просим у святых ничего другого, высшего, чем наши нужды, и непреходящего. Беда, если великомученик Пантелеимон для нас только целитель, то есть только тот, кто может помочь нам в болезни, и мы не задумываемся о том, что сам-то он, молодой и здоровый, сознательно предпочел благополучной жизни мученическую смерть.

Можно ли удовлетвориться избирательным, неглубоким, по сути потребительским почитанием двух-трех «популярных» (да простят они нам здесь это мирское слово!), «хорошо помогающих» святых — хотя это на самом деле великие святые? Святость только тогда станет для нас подлинным духовным уроком и помощью, когда мы будем стремиться видеть ее в разных, во многих-многих человеческих лицах и судьбах.

**Журнал «Православие и современность» №29(45)
Марина Бирюкова**

Рай и скорбь

На днях в храме вновь услышал не дающий порой людям покоя вопрос: «Вот попаду я в рай, и как же я смогу там радоваться, если кто-то из близких мне людей не спасется?».

Об этом, и правда, многие спрашивают, и дальше даже того идут:

– Как же Бог, если Он, и вправду, любовь, сможет допустить, чтобы кто-то мучился в то время, когда другие будут радоваться?

И выводы, соответственно, делаются, что либо Бог не благ, либо мучения адские не вечны, либо и вовсе их нет... Или даже вообще ничего нет...

Но ничего такого в данном случае человек не говорил, а спросил именно то, что спросил. И грех за такое вопрошание человека осудить или посмеяться над ним, потому как беспокойство, им высказанное, так или иначе, но на любви основывается и потому понимания и уважения достойно. И ответа достойно — тем более. Потому отвечаю. Правда, ответы мои тоже всё больше на вопросы похожи.

– Спрошу и я вас, — говорю. — Вы, конечно, не сердитесь на меня, но почему вы решили, что попадете по смерти именно в рай?

– Я не знаю... — задумалась собеседница, — я на милость Божию надеюсь. Могу и не попасть, разумеется.

– Значит, точно не знаете, и это тоже большой вопрос — участь ваша загробная, как и моя, как и любого другого человека?

– Да, безусловно.

– И тем не менее в этом плане вы Богу готовы довериться — делая при этом, конечно, всё, чего требует ваша христианская совесть?

– А что же мне еще остается?..

– А раз так, и во всем остальном тоже доверьтесь.

Я мог бы, наверное, многое еще постараться «от себя» сказать. Например, что «грешники сами виноваты в своих мучениях, и потому их не жалко». Или что спасенные и

достигшие обителей райских будут всецело поглощены созерцанием Божественной красоты, будут утешаться любовью Божией и забудут обо всем прочем. Я подобные объяснения встречал — в разных книгах и у разных авторов. Но, тем не менее, ничего такого говорить не стал.

По одной, но очень важной причине: я не знаю, как всё будет в той, другой жизни, поскольку сам нахожусь еще в этой. И я не хочу ничего намеренно или не намеренно упрощать или, наоборот, усложнять, пытаюсь своим ограниченным умом постигнуть и — более того — объяснить то, что может быть постигнуто лишь в вечности.

Я знаю другое. Знаю, что есть множество иных вещей, иных вопросов, на которые ответа в этом, дольнем мире не найти. Почему рождается ребенок в семье, в которой никто ему не рад, и почему супруги, день и ночь молящие Бога послать им чадо, остаются бездетными? Почему смерть похищает того, кто так нужен, так дорог нам, а всеми забытый и словно потерявшийся в этой жизни старик живет, подбираясь потихоньку к столетнему рубежу, сверх меры «насыщенный днями» и «злойбой их», ожидающий смерти как избавления от страданий? Почему люди зачастую любят тех, кто пренебрегает ими, и сами пренебрегают теми, кто любит их? Почему такой хороший, такой замечательный человек ушел отсюда, так и не обретя веры, ушел, оставшись чуждым Церкви и Бога? Бесконечный ряд «почему», вопросов, не имеющих удовлетворительного ответа.

Но Бог не оставляет нас без того, что нам действительно необходимо, а раз так, то значит эти ответы нам здесь и сейчас не нужны. Господь всё ведает, ничто не сокрыто от Него, в том числе и тяжкие раздумья, и сомнения, и все наши мысленные тупики. Потому-то и говорит Он Своим ученикам и нам говорит о том мгновении, когда мы встретим Его: «В тот день вы не спросите Меня ни о чем» (Ин. 16: 23). Все вопросы наши потеряют свое значение, разрешатся окончательно и бесповоротно в Нем. Мы переживаем это иногда в какой-то очень маленькой, крохотной мере

еще здесь, когда в скорби и стеснении сердца молимся и в молитве исполняем чувства присутствия Божия. Не меняются, быть может, еще внешние обстоятельства, не исчезают трудности, но скорбь уходит, она словно растворяется в свете и любви Отца к Его неразумным,

неможным детям...

Так или примерно так я и постарался ответить моей собеседнице. И она этим ответом удовлетворилась.

Игумен Нектарий (Морозов)

Вы нуждаетесь в Боге

Я расскажу вам еще одну историю. Я стал монахом на Святой Горе Афон, в Ильинском скиту. Недалеко от этого скита есть место, где живут пустынники, называется оно Капсала. Там, наверное, около сорока келий, которые располагаются в лесу, в каждой из них живет примерно по четыре-пять монахов. Однажды я служил всенощную под праздник Воздвижения Креста Господня. Когда я вышел на каждение в храм, я увидел благообразного, очень просто, но аккуратно одетого старого монаха. Все, кто был в храме, подходили и брали у него благословение. Я подумал, что это священник. Во время канона он зашел в алтарь и попросил выслушать его исповедь. Я согласился. И когда он начал исповедоваться, выяснилось, что он епископ. Чуть позже я предложил ему послужить вместе, но он отказался и сказал, что больше не служит, так как по приезде на Святую Гору принял великую схиму и теперь он просто монах, хотя и в епископском сане. На следующий день после Божественной литургии и трапезы он попросил разрешения остаться в монастыре на пару дней. Мы начали беседовать, и я попросил его рассказать о себе.

Епископ ответил:

— У меня жизнь такая же, как у всех остальных. Я грешник, продолжаю грешить и пытаюсь остановиться.

Тогда я его спросил:

— Как получилось, что вы, епископ, оказались на Афоне?

И он рассказал следующее.

— Я учился на богословском факультете в Афинах и был лучшим студентом на курсе. Во время выпускных церемоний Александрийский патриарх, который в этот день обратился к выпускникам с приветственной речью, а затем выдал дипломы об образовании, попросил греческого архиепископа: «Я хочу, чтобы этот молодой священник преподавал в моей семинарии. Церковь Александрии погибает, нам нужны образованные люди, чтобы помочь Церкви». Они провели переговоры, и на три года я уехал в Александрию. Однако вместо трех я провел в Александрии десять лет, и меня рукоположили во епископа. Прошли годы, и однажды зимним дождливым и туманным вечером, после того как я прочитал очередную лекцию в Университете Аристотеля, по дороге домой на своей машине я попал в аварию. «Скорая» отвезла меня в реанимацию. Когда я пришел в себя, врачи мне сказали: «Вы были в тяжелой аварии. Мы должны проверить, не поврежден ли у вас головной мозг». Тогда я попросил позвать ко мне священника. Оказалось, что в той же больнице лечится какой-то монах-святогорец, который и пришел меня навестить. Он был низкорослый и какой-то очень грязный. Я начал исповедоваться ему, а он вдруг стал говорить, что мне надо перестать быть таким напыщенным человеком, ехать на Святую Гору и становиться настоящим монахом. Я должен был, утверждал он, перестать разъезжать по всему миру и делать вид, что я очень важная фигура. Я очень на него разозлился и выгнал вон из палаты. Но этот случай надолго врезался мне в память.

С одной стороны, я разозлился настолько, что у меня даже заболело сердце. С другой стороны, я понимал, что то, о чем говорил этот монах, является правдой, которую я не хотел слышать.

Через некоторое время меня выписали, и мною уже заинтересовался Вселенский патриарх. Он пригласил меня на одно мероприятие, где я должен был обратиться к присутствующим с приветственной речью. Но как только я начал выступление, у меня случился сердечный приступ. Я упал, перевернул стол, и меня снова увезли в реанимацию. В больнице я периодически терял сознание, и докторам пришлось основательно со мной повозиться. И, находясь между жизнью и смертью, я взмолился: «Мать Божия, если Ты меня сейчас спасешь, я Тебе обещаю, что поеду на Святую Гору Афон и всю оставшуюся жизнь посвящу покаянию». Мать Божия меня спасла, а я на Святую Гору не поехал.

Я пришел к патриарху и сказал:

— Владыко святой, я обещал Божией Матери уехать на Святую Гору. Отпустите меня.

Патриарх говорит:

— Да ты просто бредил — мало ли что в таком состоянии наобещаешь! Ты жив, так что не переживай.

Я начал умолять патриарха, но тот ответил:

— Ты должен быть послушен Церкви. Церковь тебя сделала епископом, слушайся и трудись.

Каждый год я приносил патриарху свои прошения, но он меня все не отпускал. И вот однажды, когда я, видимо, уже основательно ему надоел, он сказал:

— Я даю тебе еще три года, отработай их, а потом поедешь на Святую Гору.

Через три года я поехал. О монашестве я не знал ничего. Я был толстым епископом с мягкими, нежными руками. Я носил красивые итальянские ботинки на тонкой подошве и шелковую рясу. И в таком виде в один прекрасный день я ступил на землю Афона. В Дафни меня встретили монахи и спросили:

— Владыка, к кому вы приехали?

Я им ответил:

— Я ищу одного монаха, — и я описал им того маленького, грязного чернеца, который посетил меня когда-то в больнице.

Монахи стали расспрашивать меня:

— Как его зовут? Где он живет?

Но я ничего о нем не знал и только снова описал им, как он выглядит.

А мне говорят:

— Все так выглядят на Святой Горе.

Я расстроился, мне нужно было найти монаха, который меня сюда направил.

Тогда один из братии мне сказал:

— Если такой старец существует, то он, наверное, живет в самом дальнем углу Святой Горы, в Карулии. Поднимись на гору, возможно, что там ты найдешь своего старца.

Я пошел. Пока я взбирался на гору, я весь вспотел,

камни прокалывали мои итальянские ботинки, и я так устал, что думал, что умру по дороге.

Однако монахи мне все говорили:

— Иди дальше, старец там, иди дальше.

И вот наконец кто-то мне сказал, что я почти дошел. Передо мной стояла маленькая келья с одним закрытым ставнями окном. Ее окружала каменная стена, а вид, открывавшийся с горы, был такой, что хотелось уметь летать.

У кельи стояла очередь из нескольких монахов. Я хотел было пробраться вперед, но меня одернули и заставили стать позади всех.

А я был епископом и в очереди ждать не привык. Я разочлился, но решил стоять и ждать. И вот выходит келейник старца и говорит мне:

— А вам-то что нужно?

— Я старца пришел увидеть.

— Старец устал, он сегодня весь день принимал братию, а сейчас пошел спать. Сегодня он с тобой встретиться не может.

— Но я проделал такой длинный путь, я на гору взобрался! Что же мне делать?

— Завтра приходи.

— У меня нет места, куда идти.

— Все на земле спят, и ты ложись и спи.

В эту ночь я ночевал на улице. Я не спал всю ночь. Приходит утро, выходит монах и объявляет:

— Старец сегодня никого не принимает, он будет молиться.

Я не мог поверить тому, что слышал. Еще один день пропал впустую. Я так долго добирался, идти мне было некуда, и я решил ждать. Этот день я провел под деревом, пытался помолиться, но все, о чем я мог думать, — это то, как я был обозлен на старца.

На следующее утро монах подходит ко мне и говорит:

— Ты все еще здесь? Ладно, ты терпеливо ждал, заходи, старец с тобой поговорит.

Я зашел. Старец меня встретил и спрашивает:

— Что тебе надо?

— Я хочу быть монахом, — отвечаю я.

— А почему ты сюда пришел, если хочешь быть монахом?

Я ему рассказал свою историю, как в больницу ко мне приходил один святогорец.

Старец спросил:

— Как давно это было?

— Тридцать два года назад.

— Ты в своем уме? Он давно уже умер! Ты же сам сказал — маленький, старенький, да и тридцать два года уже прошло! Да и ты здесь не выживешь.

Я спрашиваю:

— Почему?

— Потому что ты никогда не сможешь выполнять то, что я тебе буду говорить. Чем ты занимался до того, как сюда пришел? — спросил меня старец.

— Я епископ.

Старец схватился за голову:

— Боже мой! В жизни только от женщин бывает больше искушений! Уходи отсюда.

Я взмолился:

— Я тебя прошу, помоги мне стать монахом.

Он мне говорит:

— Я тебе разрешу остаться в келье, но только с одним услугом.

— Я попытаюсь.

— Нет. Ты должен сказать: «Я это сделаю, старец», потому что если ты говоришь «я попытаюсь», ты уже сдался.

— Я это сделаю, старец.

— Хорошо. Тогда вот что. Я тебе не разрешаю разговаривать ни с кем, ни со мной, ни с теми, кто ко мне приходит. Ни с кем! Только тогда, когда я тебя попрошу что-нибудь сказать, тогда ты можешь говорить.

И он дал мне послушание заниматься всеми домашними делами.

К старцу всегда приходили гости. Я готовил чай, мыл посуду и слушал. И всегда мне хотелось что-нибудь сказать, когда старец разговаривал с гостями. Какой-то монах приходил, рассказывал о чем-то: «Вот Григорий Палама сказал...» — но я-то точно знал, что это вовсе не Палама сказал! Я ему хотел сказать: «Идиот! Это не Палама сказал, это сказал другой святой». Внутри меня все кипело, и это продолжалось годами. Через какое-то время я успокоился, уже ничего не слышал, просто мыл посуду, творил свою молитву, подавал чай. Как-то утром я пришел к старцу начать свой обычный день, свое послушание, а старец мне говорит:

— А вот теперь можешь говорить.

Я подумал и ответил:

— Мне нечего сказать.

Старец мне говорит:

— Родной мой, когда ты сюда пришел, тебе уже тогда нечего было сказать, но ты этого не знал. Когда ты покинул мир, ты думал, что весь мир в тебе нуждался. А сейчас посмотри, нуждается он в тебе по-прежнему? Да и раньше-то он в тебе не нуждался. Единственное, что нам нужно в жизни, это Бог.

Вот такую историю мне рассказал этот епископ.

Вы нуждаетесь в Боге. Больше вам не нужно ничего. Никто не нуждается ни в едином вашем слове.

Если вы сейчас пойдете в свои кельи и вместо того, чтобы молиться, без благословения ляжете спать, вы глупы.

«Господи, я хотела сегодня помолиться, но так устала...»

Ох, замечательное оправдание! Бог скажет: «Я хотел тебя сегодня утром разбудить, но Я тоже устал». Мы же это от Бога не слышим.

Я стараюсь совершать молитвы вечером стоя, но из-за болезни я вынужден опираться на аналой. И что делать, иногда засыпаю. Один раз я проснулся под аналоем, сильно испугался, потому что не мог понять, что произошло, — оказалось, что я заснул и перевернул на себя аналой. На шум прибежал один из монахов и сказал взволнованно:

— Батюшка, с вами все в порядке?

— Да, не волнуйся, — ответил я, — я просто молился.

— Ага, — хмыкнул он в ответ, — я вижу.

Так что сейчас, заканчивая беседу, я говорю вам: идите, переворачивайте теперь ваши аналои. Лучше заснуть за аналоем в молитве, чем засыпать без всякой молитвы. Желаю вам доброй молитвы, но не желаю вам хорошего сна.

**Схиархимандрит Иоаким (Парр)
«Беседы на Русской земле»**

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ! ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ИСПОЛЬЗУЙТЕ ЭТУ ГАЗЕТУ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЦЕЛЯХ. ЕСЛИ ОНА СТАЛА НЕ НУЖНА, ОТДАЙТЕ ЕЕ ДРУГИМ ЛЮДЯМ ИЛИ ПРИНЕСИТЕ В ХРАМ.

**Печатный орган прихода храма «Преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких». Тираж 200.
Настоятель прихода священник Алексей Суханов (тел. 8 904 410 8101). Распространяется бесплатно.**

www.hram-v-kotlubani.ru